

Патриция ТОМПСОН, дочь Маяковского: В Америке надо мной смеялись дети

Она, дочь обрусевшей немки и Владимира Маяковского, долго не знала, кто ее настоящий отец. Сейчас у нее два имени: по документам она — Патриция ТОМПСОН, а сама она называет себя Еленой Владимировной Маяковской. Десять лет назад она была еще просто профессором одного из американских университетов, пока не написала первую книгу о своем отце. Книга составлена по воспоминаниям матери — эмигрантки, возлюбленной Маяковского Елизаветы Зиберт. Американская дочь Маяковского впервые побывала в Башкирии, на родине своей матери — в городке Давлеканово, где сохранился в целостности и сохранности дом, построенный дедом для всей семьи. Здесь она собирает материал для очередной книги об отце. Госпожа Томпсон много плачет, кокетничает и бесконечно восклицает «О!». Она не ожидала увидеть родовое гнездо точно-в-точку таким, каким рисовала его ее мать.

— Миссис Томпсон, вы уверены, что это и есть ваш родной дом?

— Абсолютно. (Она не говорит по-русски, и мы общаемся через переводчика. — И.К.) Сохранились документы, фотографии дома — он совсем не изменился. Здешний директор музея проводил исследования и тоже указал на это здание. Мама рисовала мне план комнат, я бродила по этому плану и, о чудо, нашла мамину комнату, комнату деда... Лучшего применения дому нельзя придумать (сейчас там располагаются детские ясли), мама была бы довольна.

— Как вы впервые заявили миру о своем статусе?

— Это было в Нью-Йорке. Совершенно случайно встретила Евгения Евтушенко, набралась смелости подойти к нему и непринужденно так представиться: «Привет, я — дочь Маяковского». Он: «Покажите ваши документы». И тогда я встала во весь, доставшийся мне от отца, рост, а Евтушенко, смерив взглядом, вынужден был признать, мол, да, что-то есть. Выпустив книжицу о своем отце, я десять лет ожидала обвинений в самозванстве. За это время побывала в Москве, где еще раз убедилась, что Маяковский не отказывался от меня как от родной дочери. Там, в музее, в одной из записных книжек я увидела запись, сделанную его рукой: «Дочка». Я плакала.

— Почему же после вашего рождения он не баловал вас общением?

— Мать и отец встретились и стали возлюбленными в Америке, там же я и родилась и видела его, по рассказам мамы, один раз в двухлетнем возрасте. Конечно, я ничего не помню. Да, мать сначала никак не могла понять, что это такое: «противоречивые обстоятельства делают дальнейший

контакт невозможным», как объяснял отец. Но потом, когда сразу же после его смерти из его кабинета исчезли все документы и даже ее фотография, мать поняла эти «обстоятельства». Я долго боялась приезжать в Россию, ведь мой дед по материнской линии был капиталистом, и я знаю, что у русских, в отличие от американцев, — долгая память.

— В вашей семье что-то сохранилось из личных вещей отца?

— Кое-какие письма, два рисунка, выполненных его рукой. Один из них он набросал, когда мать с отцом поссорились. Отец нарисовал себя жутко удрученным под огромными красивыми глазами матери... Знаете, когда Маяковский умер, мать поняла, что кроме нее никто не позаботится, чтобы сохранить во мне русскость... Умирая, она с тоской вспоминала этот дом, рассказывала мне вновь и вновь, как она играла в саду... Она учила меня русскому языку. Там, в Америке, надо мной смеялись дети, если я пыталась заговорить по-русски. А я, предполагая, что в Россию мне путь закрыт, не считала нужным знать родной язык.

— Когда увидит свет новая книга о Маяковском?

— У нее еще нет названия, может, подскажете? Но в России появится она в апреле — роковым месяце для моего отца и будет приурочена к его 110-летию. Это не будет переписывание старого материала с добавлением башкирских эпизодов. Это будет полная переработка материала и полное его переосмысление. Думаю, в России книгу примут. Здесь так много знают об отце, я просто поражена: многие, с кем приходилось встречаться, просто читают его стихи наизусть.

Индира КВЯТКОВСКАЯ

Известия - 2002 - 13 июня - с. 3